

«ВОСПОМИНАНИЕ О ШЛЁЦЕРЕ» А. С. КАЙСАРОВА

Публикация, вступительная статья и примечания

М. Ю. Кореновой (С.-Петербург) и Е. О. Ларионовой (С.-Петербург)

Публикуемый ниже текст сохранился в составе архива братьев Тургеневых в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 309. № 1084 (старый шифр: № 1216). Л. 3–6)¹. При разборе архива в 1900-е гг. рукопись «Воспоминания» была атрибутирована Александру Ивановичу Тургеневу (1884–1845). Эта атрибуция, утвержденная авторитетом В. М. Истрина, первого публикатора бумаг А. И. Тургенева (см.: Истрин 1910: 129), казалась вполне согласной с биографией Тургенева, где знаменитый историк Август Людвиг Шлёцер (August Ludwig Schlözer, 1735–1809) занимал важное место как главный его наставник в Гёттингенском университете, с которым Тургенев поддерживал связь и после отъезда из Гёттингена в 1804 г.² Эта атрибуция продержалась до недавнего времени (см.: Siegel 2001: 144–147), когда сотрудник Пушкинского Дома Н. А. Хохлова в ходе начатой ей с 2012 г. архивной работы по ревизии материалов фонда и составлению его новой описи определила, что «Воспоминание», как и входящая в ту же единицу хранения (л. 1–2) незавершенная заметка «Несколько слов о Тайной», также отнесенная Истриным к текстам А. И. Тургенева (Истрин 1910: 135–137; Истрин 1911: 491), написаны рукой Андрея Сергеевича Кайсарова (1782–1813).

А. С. Кайсаров, друг и соученик А. И. Тургенева по Гёттингену, тоже учился у Шлёцера и в той же степени мог считать Шлёцера своим учителем. Вообще, по словам В. М. Истрина, «говорить о занятиях и об образе жизни русских студентов в Гёттингене – это

¹ Рукопись беловая с поправками на двух сложенных пополам листах большого формата.

² Отношения А. И. Тургенева со Шлёцером подробно охарактеризованы в указанной статье В. М. Истрина.

значит, главным образом, говорить о том влиянии, которое имел на них Шлёцер» (Истрин 1910: 122). В письме Шлёцеру от июля 1804 г. из Вены Кайсаров прямо называет его «законодателем славянской истории» („Gesetzgeber der slavischen Geschichte“) (Кайсаров 1915: 96), отдавая дань научным заслугам Шлёцера и тому влиянию, которое гёттингенский профессор оказал на формирование его собственных научных интересов. Саму формулировку Кайсаров тогда заимствовал, судя по всему, из уведомления о новом журнале „Slawenka“, который был задуман моравским историком И. Г. А. Ханке фон Ханкенштейном (Johann Nepomuk Aloys Hanke von Hankenstein, 1751–1806) и который был посвящен Шлёцеру, о чем Кайсаров, отвечая в письме от 12 / 24 сентября 1804 г. на вопрос Шлёцера об этом новом издании, счел необходимым сообщить ему, приведя в дополнение полный текст программы журнала со всеми комплиментами в адрес немецкого историка (Там же: 96–97)³. При всей «этикетности» словосочетания оно в полной мере отражало признание авторитета Шлёцера в деле изучения древней российской истории и было, во всяком случае, естественным в устах его ближайшего ученика, хотя он, усвоив шлёцеровский метод «критической истории», с самых первых своих шагов на историческом поприще, отнюдь не во всем соглашался с почтенным автором, как об этом можно судить даже по его студенческим заметкам, относящимся к 1804 г. (Там же: 78, 79; см. также: Лотман 1958: 143–144). После совместного с Тургеневым путешествия по славянским землям в 1804 г. Кайсаров вернулся в Гёттинген, в 1806 г. защитил там диссертацию и, в отличие от своего друга, по возвращении в Россию решил посвятить свою жизнь ученым занятиям: 25 августа 1810 г. он был избран на должность ординарного профессора русской литературы в Дерптском университете и с начала 1811 г. приступил к преподаванию (см.: Лотман 1958: 128–129).

³ Объявление с программой журнала см. также: Zeitschrift von und für Ungern zur Beförderung der vaterländischen Geschichte, Erdkunde und Literatur. Pesth, 1804. Bd. 5. N. 5 (без pag.).

«Воспоминание» было написано в связи с кончиной Шлёцера, который умер 28 августа / 9 сентября 1809 г. В России в кругу А. И. Тургенева о смерти Шлёцера узнали даже раньше того, как об этом сообщили немецкие газеты⁴. Н. М. Карамзин уже 15 октября 1809 г. пишет А. И. Тургеневу, откликаясь на полученное от него известие, которое тот, в свою очередь, получил от находившегося тогда в Гёттингене Н. И. Тургенева (см.: Тургенев Н. 1911: 375): «Искренно пожалел я о Шлёцере, не только по отношению к наукам, но и собственно ко мне или к труду моему: он так усердно занимался русской историей» (Карамзин 1899: 229). Традиция некрологов в России в эти годы еще только-только начинала складываться, и первопроходцем в освоении этого жанра стал, как считается, журнал «Вестник Европы» (см.: Рейтблат 2014: 195), в иностранных сотрудниках которого числился и А. Шлёцер, привлеченный В. А. Жуковским, начавшим редактировать журнал в 1808 г. Именно здесь, казалось бы, должен был появиться и некролог Шлёцеру. Первоначально Жуковский обратился к сыну Шлёцера – Кристиану фон Шлёцеру (Christian von Schlözer, 1774–1831), профессору Московского университета, с просьбой написать небольшой биографический очерк, что тот и сделал, предоставив в распоряжение журнала текст на немецком языке. Этот текст Жуковский передал А. С. Кайсарову, надеясь, что тот его не только переведет, но и дополнит своими суждениями научного или мемуарного свойства – опубликовать просто перевод записок Шлёцера-младшего Жуковскому, вероятно, не хотелось, поскольку такой приватный отклик явно не соотносился бы с масштабом личности покойного и был бы несоразмерен его очевидным научным заслугам. Сам Жуковский как раз в это время начинает с энтузиазмом штудировать труды А. Шлёцера, которого в письме к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г. восторженно называет «Лессингом, Лагарпом истории», особо отмечая его слог, приятный «не искусством писателя, но тою твердою логикою

⁴ „Allgemeine Literatur-Zeitung“, к примеру, опубликовала некролог лишь 19 октября 1809 г. (№ 286. Sp. 384).

и тою экономической краткостью, благодаря которым мысли его представляются вдруг, ярко и в связи рассудку читателя» (Жуковский 2019, 15: 90). Этот энтузиазм Жуковского-читателя явно определил градус досады Жуковского-редактора, который, видя, что дело с некрологом Шлёцеру затягивается, писал А. И. Тургеневу 4 декабря 1810 г.: «...выручи у Андрея Сергеевича Шлёцеров манускрипт: “Записки о жизни его отца”. Он взялся было перевести его в “Вестник” с дополнением; но и меня лишил этого перевода, и сам ничего не сделал. А Шлёцер, который написал этот отрывок по моей просьбе, досадует на меня и требует, чтобы я возвратил ему манускрипт. А мне досадно на Андрея Сергеевича: взяться за такое дело, которого исполнение могло бы быть для него очень приятно, не исполнить его и меня ввести в нареkanie – это не совсем в порядке вещей» (Там же: 121).

Трудно сказать, насколько в действительности А. С. Кайсарову было приятно исполнение возложенного на него дела. Едва ли он мог отказать Жуковскому, тем более что речь шла о его учителе, но, согласившись, он вынужден был бы дать компиляцию из перевода Шлёцера-сына и своего собственного текста, не имея при этом практически никаких образцов такого рода кратких «литературных» некрологов, на которые он мог бы опереться. За подобающую же случаю развернутую характеристику трудов А. Шлёцера Кайсаров, в тот момент вряд ли мог бы взяться: живя в Саратове, он был поглощен своими собственными научными штудиями, а с августа уже был занят подготовкой к переезду в Дерпт и к новой службе. К моменту приезда в декабре 1810 г. в Петербург он ознакомился с «Записками» Шлёцера-сына, но ничего своего еще не написал.

Отвечая на письмо Жуковского от 4 декабря 1810 г., А. И. Тургенев писал ему 22 декабря: «...Сию минуту узнаю о приезде сюда Андрея Серг<еевича> и уведомя тебя о Шлец<еровой> биографии; я бы желал видеть ее и сказать тебе о ней свое мнение. Ich habe Schlötzers Leben vielleicht mehr als seine Schriften studiert <Я изучил Шлецерову жизнь, может быть, лучше его трудов. – нем.>; но из благодарности за его ко мне благорасположение и за услуги, оказанные им русской истории и людям, не позволю себе открывать

его недостатки, о которых нельзя умолчать в его биографии, ибо они занимают в ней значительное место. *Nomo est!* <Ведь он человек! – лат.>», а в конце этого же письма, уже после встречи с Кайсаровым, добавлял: «Андрей Серг<еевич> пришлет тебе то, что Шлец<ер>-сын написал об отце; но я просмотрю прежде; а свои замечания напишет он в Дерпте и пришлет оттуда»⁵. Говоря о «недостатках» Шлёцера, Тургенев имел в виду дискуссию, которая развернулась в 1810 г. вокруг его имени и, вероятно, косвенно сказалась на судьбе дописанного в Дерпте кайсаровского «Воспоминания».

В 1809 г., незадолго до смерти, Шлёцер выпустил в свет пятую и ставшую последней часть своего «Нестора» („Nestor. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache“), которую с нетерпением ждали в России. Печатался этот том на личные средства автора, отдельными листами. В сентябре 1808 г. А. И. Тургенев получил от Шлёцера отпечатанную часть (128 страниц) книги (см.: Тургенев А. 1911b: 369, 379) и настойчиво просил брата Николая, находившегося в этот момент в Гёттингене, доставить следующие листы. Шлёцер, однако, не готов был исполнить пожелание своего бывшего ученика. «Я просил его об этом, – сообщал Н. И. Тургенев А. И. Тургеневу в письме от 27 марта / 8 апреля 1809 г., – но он, изъявив свое сожаление, сказал, что не может послать их, потому что еще предисловие к книге не готово; однако ж обещал мне, как скоро оно выдет и если встретится случай, послать к вам всю часть» (Тургенев Н. 1911: 357). О том же Н. И. Тургенев писал и 15 / 27 апреля 1809 г., извещая брата, что «Нестор совсем напечатан, кроме предисловия», без которого Шлёцер «не согласился послать <...> его, но как скоро совсем будет готов, то он пошлет» (Там же: 361). Незадолго до смерти Шлёцер все же отправил Тургеневу свой труд⁶. В конце октября 1809 г., уже после кончины Шлёцера, Н. И. Тургенев, воспользовавшись оказией, переслал брату переданный ему Шлёцером «пакет». Он вручил его бывшему

⁵ РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1 № 115. Л. 109, 110 об.

⁶ 12 / 24 августа 1809 г. Н. И. Тургенев писал брату: «Вчера прислал ко мне Шлёцер пакет, который просил при случае послать к вам. Я думаю, это листы его “Нестора”» (Тургенев Н. 1911: 374).

соученику А. И. Тургенева по Гёттингену А. М. Гусятникову (см.: Тургенев Н. 1911: 379), который так и не доехал до Санкт-Петербурга, застряв сначала в Лейпциге, а затем перебравшись во Францию. «Это безбожно! – не получив долгожданной посылки, возмущался А. И. Тургенев в письме к брату от 20 декабря 1809 г. – Неужели он пожалел почтовых денег! Напрасно ты не сказал ему, что для меня Шлёцеров подарок, последний и перед кончиною его сделанный, дороже нескольких рублей, которые бы я заплатил за посылку» (Тургенев А. 1911b: 405). Так и не дождавшись книги, А. И. Тургенев смог, однако, в начале января 1810 г. ознакомиться с предисловием к ней, присланным кем-то отдельно в Санкт-Петербург (Там же: 409), – тем самым предисловием, над которым Шлёцер так усердно работал в последнее время, придавая ему, судя по всему, крайне важное значение. Предисловие это включало в себя отдельную статью «Выдумщик хазар, редкой самонадеянности. Доказательства a priori и posteriori того, что варяги не есть хазары» („Der Chasaren-Dichter, ein Selbstvertraurer seltner Art. Beweise a priori und posteriori, dass Waräger keine Chasaren sind“; см.: Schlözer 1809: XVI–XXXV). Статья была посвящена выпускнику Гёттингенского университета Густаву Эверсу (Johann Philipp Gustav Ewers, 1781–1830) и его работе «О происхождении русского государства» („Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch, die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen“. Riga; Leipzig, 1808), в которой он, опровергая «норманскую теорию» Шлёцера, выдвинул предположение о хазарском происхождении «руси», имевшей, по мнению Эверса, свою государственность до призвания варягов. Книга эта была с интересом встречена в России, и ожидалось, что Шлёцер напишет на нее рецензию (см.: Тургенев А. 1911b: 369), но Шлёцер предпочел разделаться со своим оппонентом иначе: вместо научной полемики он перешел на личности, обвинил Эверса в плагиате, приведя в подтверждение выдержки из своей переписки с ним, упрекнул в незнании источников и отсутствии всякого представления о предмете. На А. И. Тургенева это «посмертное» выступление Шлёцера произвело по своему тону крайне неприятное впечатление – оно никак не вязалось с той научной беспристрастностью

и «любовью к истине», которую он так ценил в учителе еще в студенческие годы (см.: Тургенев А. 1911а: 229).

Не обнаружив в шлёцеровском памфлете никакой «любви к истине», А. И. Тургенев с горечью писал Н. И. Тургеневу 12 января 1810 г.: «... как зло и нещадно он <Шлёцер. – М. К., Е. Л.> его <Эверса. – М. К., Е. Л.> ругает. Вечное пятно и Шлёцеру, и Эверсу» (Тургенев А. 1911b: 409). На защиту Эверса поспешили встать немецкие историки, среди которых были и те, которые не разделяли в полной мере точку зрения Эверса, – Фридрих Рюс (Friedrich Rühs, 1781–1820), считавшийся учеником Шлёцера, и Филипп Круг (Philipp Krug, 1764–1844), труды которого сам Шлёцер, состоявший с ним в длительной переписке, высоко ценил. Стараниями последнего Эверс уже в 1809 г. стал членом-корреспондентом Императорской Академии наук, а в 1810 г. получил место профессора географии, статистики и истории в Дерптском университете (см. подробнее: Kunik 1848: CL). Еще более широкий размах скандал приобрел после того, как Г. Эверс опубликовал в июне 1810 г. свои «Неприятные воспоминания об Августе Людвиге Шлёцере» („Unangenehme Erinnerungen an August Ludwig Schlözer von G. E.“. Dorpat, 1810), в которых он, назвав уже на первой странице сочинение Шлёцера «пасквилем», последовательно ответил на все «пункты обвинения» покойного историка, приводя в доказательство в том числе и фрагменты своей переписки с профессором. На это «оправдание» последовали один за другим отклики в немецкой печати, в полемику включился и Шлёцер-младший, подвергнувший резкой критике всех «самонадеянных» любителей славянской древности вместе взятых (см.: „Der Thracierdichter, abermals ein Selbstvertrauter seltener Art, oder freimüthige Bemerkungen über zwei Aufsätze in der 28sten und 29sten Beilage zum Jahrgange 1810 des Zuschauers vom Hrn D. Merkel“. Königsberg, 1811). «Оправдание» Эверса было прочитано и А. И. Тургеневым, который писал Н. И. Тургеневу 23 сентября 1810 г.: «Жаль, что покойный мой благодетельный так замарал себя бранью и клеветою на Эверса. Оправдание сего последнего служит совершенным обвинением Шлецера. Этого пятна он не смоет с своей памяти» (Тургенев А. 1911b: С 427).

Если Кайсаров до своего приезда в Санкт-Петербург и не знал о разгоревшемся скандале, то уже в Санкт-Петербурге он был, вероятнее всего, введен в курс дела А. И. Тургеневым, которого эта история определенно взволновала. Новая ситуация меняла контекст задуманной мемуарной записки о Шлёцере и снижала ее пафос, уместный в некрологе, но плохо сочетавшийся с неблагоприятным предсмертным выступлением учителя. Вероятно, именно поэтому Кайсаров, завершив свое «Воспоминание», выдержанное сообразно жанру в сдержанно-почтительном тоне, принял за другое, своего рода научное «воспоминание» о Шлёцере – заметку «Несколько слов о Тайной», в которой он, без видимого повода, вспоминает о полемической статье Н. М. Карамзина, напечатанной в 1803 г. в «Вестнике Европы» (Ч. 8. № 6. С. 122–131) за подписью «У. Θ.», где Карамзин опровергал мнение ряда историков – В. Н. Татищева (1686–1750), П.-Ш. Левека (Pierre-Charles Levesque, 1736–1812) и Шлёцера, – приписывавших создание Тайной канцелярии царю Алексею Михайловичу.

Несколько слов о Тайной

Покойный Шлецер, мой почтеннейший наставник, говорит в своем «Несторе»⁷, что учреждение *Тайной* при царе Алексее Михайловиче устрасило всех летописцев и что с тех пор они умолкли. Имея вообще весьма малое число печатных летописей, а менее еще из времен сего государя, сверх того не имея доступа к государственным архивам, я не могу утвердительно сказать, чтоб *Тайная* причинила *сие* зло. Но существовала ли в самом деле *Тайная* при сем царе? Вот вопрос, который стараются опровергнуть. В «Вестнике Европы»⁸ есть отрывок, в котором последним решительным судом заключается, что *Тайной* при Алексее Михайловиче не было и быть не могло. Шлецер, который был не только искусный критик и страстный любитель нашей истории (как его называет сочинитель отрывка), но который между всеми, до сих пор существовавшими, писателями о русской

⁷ Шлец<ер>. «Нест<ор>». <Т.> I. <С.> 22. – Примеч. А. С. Кайсарова.

⁸ «Вест<ник> Евр<опы>». 1803. Март. Стр. 122. – Примеч. А. С. Кайсарова.

истории может назваться законодателем⁹, который не только славен своею словесною критикою, но коего философическая критика видна во всех его произведениях и сделала эпоху в ученом свете, Шлецер, говоря, взял это обстоятельство не с ветра, но утверждает, основываясь на Татищеве¹⁰. Напротив того г<осподин> сочинитель отрывка старается доказать, что и Татищев заблуждается. Повторяю, что я не могу точно сказать, точно ли Тайная была причиною молчания летописателей, не могу сказать, есть ли летописи из того времени. Если они есть, непростительно грешат те, которые их имеют и не обнаруживают. От сего зависит успех нашей истории, которая до сих пор была очень безуспешна именно оттого, что частные люди не имели способов ею заняться. Но дело не в том, спрашивается только: справедливо ли думал Татищев и Шлецер?

Не имея чести быть знаем почтенному сочинителю отрывка и не зная, отгадал ли его Шлецер¹¹, одним словом, безо всяких личностей скажу, что со всем его пламенным рвением к отечественной истории, со всеми достоинствами,¹²

В этой оборванной буквально на полуслове заметке очевидно тем не менее намерение автора выступить «в защиту» Шлёцера и косвенно восстановить его репутацию. Кайсаров обращается

⁹ Schlozerus mel et delicis meas, in Slavicis historiis princeps. Так говорит о нем Коллар в своих «Amoenitt». I. 81, который, кажется, был не из последних исторических критиков последнего века. – *Примеч. А. С. Кайсарова*. Кайсаров ссылается здесь на высказывание известного словацкого ученого, историка и этнографа, Адама Франтишка Коллара (Adam František Kollár, 1718–1783) в его труде „Historiae jurisque publici regni Ungariae amoenitates” (Vienne, 1783. Vol. 1–2).

¹⁰ Тат<ищев>. «Ист<ория>». Ч. I, ст<р>. 59. – *Примеч. А. С. Кайсарова*. Кайсаров ссылается на первый том «Истории Российской с древнейших времен» (М., 1768) В. Н. Татищева.

¹¹ Шлец<ер>. «Нес<тор>». Ч. IV. Ст<р>. V. – *Примеч. А. С. Кайсарова*. Кайсаров ссылается на место, где Шлёцер отмечает публикацию «Вестника Европы» с указанием на его ошибку.

¹² Рукопись на сложенном вдвое листе большого формата. Характер рукописи позволяет предположить, что текст перебежался с первоначального черновика. Цитата («Шлецер, который был не только искусный критик ~ основываясь на Татищеве») приведена В. М. Истриным (см.: Истрин 1910: 137; Истрин 1911: 491).

к давнему эпизоду научной полемики, когда Шлёцер безусловным признанием своей ошибки очередной раз явил русским гёттингенцам свою научную добросовестность и беспристрастие ученого-историка. «...Я все обращаюсь по-прежнему на Шлецера, – записал в июне 1803 г. в дневнике А. И. Тургенев. – Разговаривая с ним сегодня о том, что в “Вестнике” ему противоречат, увидел я в нем истинно беспристрастного человека, такого, каким бы всем ученым по-настоящему и для пользы наук быть должно. Он видит основательное опровержение своего мнения и признает его, любя одну только истину и зная, что она есть лучшее украшение историка и истории. Он оправдывает себя только тем, что он не из иностранного писателя <...> заимствовал и утверждал свое мнение о начале Тайной канцелярии в России, но – из первого русского же историка, из Татищева. Прибавя при том, что русские справедливо делают, что не хотят верить и полагаться на иностранных в их отечественной истории» (Тургенев А. 1911а: 229).

«Оправдание» Шлёцера так и осталось незавершенным, но и «Воспоминание» не увидело свет. Какую позицию Кайсаров занял по вопросу полемики Шлёцера с Эверсом, неизвестно, однако можно предположить, что публикации текста помешала двойственность положения, в котором он оказался: с одной стороны, он чтит память своего гёттингенского учителя, с другой – хорошо знал и ценил труды Эверса, своего нового коллеги по университету, и к тому же сам склонялся скорее к «антинорманистам» (Лотман 1958: 134, 143). Возможно, Кайсаров ощущал, что на фоне «Неприятных воспоминаний» Эверса и развернувшейся дискуссии его заметка выглядит слишком благостно-декоративной и несвоевременной, и в этом с ним был согласен, наверное, и А. И. Тургенев, мнение которого в данном случае могло сыграть не последнюю роль. Как бы то ни было, до печати «Воспоминание» так и не дошло, хотя оно вполне достойно внимания уже потому, что пополняет список литературных трудов профессора Дерптского университета А. С. Кайсарова.

Воспоминание о Шлёцере

К числу многих нерешенных еще дел перед общим судом человечества, без сомнения, можно отнести и вопрос о том, кого точно должно называть великим человеком. Кажется, что люди в сем случае так же своенравны, как в определении красоты. Точно так, как одному нравится продолговатое, другому круглое лицо, как один пленяется голубыми, другой черными глазами, точно так один находит великость в том, кто более всех разорил городов, кто целые народы лишил свободы, кто следы свои ознаменовал смертью и разрушением, другой боготворит человека, претерпевшего жесточайшие мучения для того только, чтоб не переменить своего образа мыслей. Иной, будучи заключен в ограниченном кругу, почитает великим того, кто очистил клочок земли и сделал его плодородным. Наконец были и есть люди, которые самоубийц великими называли. Нетрудно искать доказательств сему в истории. Не желая здесь определять, что есть, по моему мнению, истинное величие, скажу, что человек, который во всю свою жизнь шел одним путем, который, защищая права человечества, не страшился подвергнуться опасности¹³, который слишком полвека провел

¹³ В своих лекциях по общему государственному праву, которые Шлёцер среди прочих читал в Гёттингенском университете, он нередко касался острых политических аспектов государственного устройства. См., например, запись в дневнике А. И. Тургенева от 11 / 22 июля 1803 г.: «Мне кажется, что, несмотря что он такие страшные истины для тиранов проповедует с своей кафедры, и самим им должно бояться его, но вместе и протезировать. После того как он предписывал права и обязанности как государю, так и подданным; после того как он допускал самые бунты, в случае если тиранство обнаружится, позволял даже народу наказывать за вину – казнить своего государя; после всего этого, основываясь на практической мудрости, следуя везде за светильником истории, успокоил он кротких из своих слушателей, сказав, что, хотя страждущие от тиранства подданные имеют право на революцию и право ссадить своего тирана, но что действие сие сопряжено всегда с такою опасностью, что лучше оставить и терпеть до тех пор, пока Провидение само захочет осво<бо>дить народ от железного скипетра» (Тургенев А. 1911а: 240). См. также характеристику, данную Шлёцеру в некрологе, в котором особо отмечалась его роль как издателя „Staats-Anzeigen“: «... гроза всех мелких султанов, бесстрашный сокрушитель укоренившихся безобразий, <...> в годы наивысшего расцвета своих сил в 1776–1792 гг. он без устали направлял свой дух на то, чтобы распространить по всей Европе британский Habeas Corpus

в непрерывной деятельности, наконец, который пожертвовал семейственными удовольствиями, мирскими наслаждениями, отличиями изысканию истины, – такой человек может быть назван по крайней мере необыкновенным, особенно в таком веке, когда более стремятся за наружностью, пренебрегая существенное. Таков был Август Лудвиг Шлецер, о котором воспоминание будет для меня всегда и приятно, и поучительно.

Он родился 5 июля 1735 года в Гагстаде, небольшом городке княжества Гогенлое-Кирхбергского, находившегося прежде сего во Франконском округе¹⁴. Отец и предки его были в духовном звании¹⁵. Известно, что в Германии и других землях протестантского исповедания из сего сословия выходили самые ученые люди. Оттого пользуется оно там особенным уважением. Шлецер лишился отца своего очень рано, получив от него небольшое наследство. Учиться начал он в гимназии, бывшей в Лангенбурге, также маленьком городке того же княжества. Здесь уже оказалось его прилежание к наукам, здесь употребил он все свои силы на изучение древних языков. Чтоб показать, как неумоимо было его прилежание в самых молодых летах, приведу один пример. По уставу гимназии в назначенный час должно было гасить свечи, это ничуть не уменьшило рвения в молодом Шлецере – в ясные ночи занимался он своими классиками при лунном свете. Успех соответствовал его старанию: на семнадцатом годе его возраста ректор лангенбургской гимназии сказал, что Шлецер не может более ничему у него выучиться и советовал ему перейти в университет. В такие лета редко и теперь вступают в университет, а тогда, может быть, немного бывало и примеров. Виттембергский университет был тогда в славе, особенно для наук, нужных богослову; в нем учил некогда сам Лутер.

Acte, чтобы покончить с крепостной зависимостью и положить конец всякой подлости и инквизиции, под какой бы личиной они не скрывались» (Archiv für Geographie, Historie, Staats-und Kriegskunst. 1810. No 3. S. 162).

¹⁴ Княжество Гогенлое-Кирхбергское перешло в 1806 г. в процессе медиатизации Баварскому королевству.

¹⁵ Отец Шлёцера Иоганн Георг Фридрих (Johann Georg Friedrich, 1689–1740) был протестантским священником; всего в роду у Шлёцера, как следует из его родословной, доходящей до XV в., было 18 священников (см.: Peters 2005: 35).

Шлецер готовил себя к духовному званию. В молодости своей он не желал ничего более, как быть деревенским проповедником; того же желали его родственники. Но судьба берегла его для других занятий и для русской истории. В Виттемберге занимался он богословием и древними языками, особенно же восточными. В 1754 году перешел он в Гёттингенский университет¹⁶. Академия сия была тогда во всем своем блеске. Благотворное английское правительство собрало туда ученых мужей Германии¹⁷. Между ими был и славный по своим знаниям в восточных древностях и языках Михаелис¹⁸. Шлецер познакомился с ним и был им уважаем. Пример Михаелиса еще более пристрастил его к восточным языкам и истории. В сие время родилось в нем желание посетить Восток, посетить колыбель первобытного человечества, увидеть ту землю, которой бытия описаны в Священном писании. – В 1755 году поехал он в Швецию. Почти все время своего пребывания в Швеции провел он в Стокгольме и Упсале, прославлявшейся тогда Линнеем. Любители северной истории вообще, и русской особенно, сей именно поездке должны быть обязаны за все услуги, оказанные им Шлецером по сей части. Здесь познакомился он со многими известными учеными, занимавшимися северною историей<й>, – между прочими с Ире – и пристрастился к ней; здесь занялся он изучением северных языков¹⁹. Здесь написал он первую свою книгу – «История торговли древних народов»^{20, 21}.

¹⁶ В Гёттингенском университете Шлецер изучал востоковедение и филологию.

¹⁷ Гёттингенский университет был основан в 1734 г. королем Великобритании Георгом II (George II, 1683–1760), который одновременно являлся курфюрстом Ганновера.

¹⁸ Иоганн Давид Михаелис (Johann David Michaelis, 1717–1791) – теолог и востоковед, автор многочисленных трудов, посвященных Ветхому завету, в том числе фундаментальной работы о ветхозаветном праве; с 1745 г. – профессор Гёттингенского университета.

¹⁹ Иоганн Ире (Johann Ihre, 1707–1780) – шведский филолог-скандинавист, в доме которого Шлецер поселился летом 1756 г. после переезда из Стокгольма в Упсалу; Ире давал Шлецеру уроки лапландского и финского языков.

²⁰ Спустя пятьдесят лет несколько шведов и я праздновали вместе с ним тот год, в который Шлецер для защищения человечества и для наук сделался писателем. – *Примеч. А. С. Кайсарова.*

²¹ Речь идет о первой опубликованной работе А. Л. Шлецера «Опыт всеобщей истории мореходства и торговли» ("Försök til en Allmän Historia om Handel och Sjöfart uti the

Мечтая о своем путешествии к Востоку, возвратился он 1759 года в Гёттинген и упражнялся в лечебной и естественных науках, он знал, что науки сии в таком путешествии и для него, и для ученого света будут полезны. Здесь коротко познакомился он с славным Палласом²², который в то время там учился.

В то время, когда Шлецер преподавал свои уроки, стечение его слушателей бывало невероятно. В молодых его летах он принужден бывал читать в большой университетской аудитории, чего ни до него, ни после его в Гёттингене не бывало. В старости его я видел, что иногда принуждены бывали выставлять в комнате, в которой он учил, окна и двери и ставить на дворе скамейки²³. Так занимательны были его уроки, так любили его слушать. Врачи, богословы, законоискусники, воины, князья, графы – всё шло слушать Шлецера; не знаю, наставнику или слушателям должно более приписать чести. Между его учениками были три сына короля англий-

äldsta tider”), изданной в Стокгольме в 1758 г. на шведском языке. В 1761 г. она вышла в свет на немецком языке в переводе историка Томаса Генриха Гадебуша (Thomas Heinrich Gadebusch, 1736–1804) под названием «Опыт всеобщей истории торговли» („Versuch einer Allgemeinen Geschichte des Handels“). Именно к этому немецкому изданию обращались все, интересовавшиеся данным вопросом. Большинство первых рецензий на книгу были отрицательными, рецензенты отмечали ее компилятивный характер и несоответствие заглавия рассматриваемому материалу, который имел отношение не столько к всеобщей истории торговли, сколько к истории торговли у финикийцев (см. подробнее: Peters 2005: 47). Празднование пятидесятилетнего «юбилея» книги, о котором А. С. Кайсаров пишет в примечании, должно было состояться, таким образом, в 1808 г. Кайсаров выехал из Гёттингена в мае 1806 г. и через Данию направился в Англию. Его присутствие на празднике свидетельствует, что Кайсаров заезжал в Гёттинген в 1808 г., на обратном пути в Россию после пребывания в Англии, Шотландии и Париже.

²² Петер Симон Паллас (Peter Simon Pallas, 1741–1811) – немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник; с 1767 г. – действительный член Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге и профессор естественной истории; руководил научными экспедициями по Уралу и Сибири (1768–1774) и самостоятельно обследовал южные губернии Российской империи (1793–1794).

²³ Ср. в письме А. И. Тургенева к родителям от 20 июня 1803 г.: «Новая публичная коллегия Шлецерова, о которой я также доносил уже вам, весьма охотно посещается; так что, хотя он и принужден уже был разломать свою аудиторию, то все еще она недостаточна для помещения всех слушателей; так что комната бывает полна набита нами, и он взял для этой лекции уже два дни в неделю» (Тургенев А. 1911с: 89).

ского²⁴ и нынешний наследник короля Баварского²⁵. Присутствие таких особ нимало не препятствовало Шлецеру говорить правду. Я был свидетелем, когда Баварский наследник плакал, в то время как почтенный старец учил его управлять своими подданными и делать их счастливыми²⁶. Хвала высоким родителям, заставляющим детей своих учиться вместе с подданными! Они чувствуют, что просвещение во всяком звании необходимо. Пусть пример венчаных научит наше дворянство оставлять пустые предрассудки, научит их воспитывать детей своих для их собственной и отечества пользы, а не для одной наружности.

Большую часть своей жизни употребил Шлецер на объяснение северной, особенно же русской, истории. Его «Всеобщая северная история»²⁷ объяснила множество темных мест в истории народов и многих приохотила к дальнейшим исследованиям. Его «Оскольд и Дир»²⁸, «История немцев в седмиградской области»²⁹, «Рассуждение

²⁴ Имеются в виду сыновья английского короля Георга III (George III, 1738–1820) – Эрнст Август, герцог Камберлендский (Ernest Augustus Duke of Cumberland, 1771–1851) (с 1837 г. – король Ганновера), Август Фредерик, герцог Сассекский (Augustus Frederick Duke of Sussex, 1773–1843), Адольф Фредерик, герцог Кембриджский (Adolphus Frederick Duke of Cambridge, 1774–1850), которые были зачислены в Гёттингенский университет 10 июля 1786 г. и провели здесь несколько лет (до 1791 г.).

²⁵ Имеется в виду Людвиг, принц баварский, будущий король Баварский Людвиг I (с 1825 г.) (Ludwig von Bayern, 1786–1868).

²⁶ См. также в письме А. И. Тургенева к родителям от 14 ноября 1803 г.: «...сюда приехал Баварский наследный принц учиться; я слушаю с ним три коллегии вместе, и между прочими у Шлецера *Государственное право*, который с тою же непринужденностию и свободою и с тою же силою в выражениях определяет отношения государя к подданному и, наоборот, предписывает должности тому и другому и так же, как и прежде, приводит худые и добрые примеры из истории даже самого Баварского курфирства. Но что всего более делает честь самому принцу, есть то, что он с приметным удовольствием слушает сии часто неприятные истины и сверх того взял еще у Шлецера *privatissime* другую лекцию. Это же самое рекомендует и отца его, который послал сына учиться в Геттинген и – у кого же? У Шлецера, у того, кто весь век свой был, так сказать, бичом князей немецких» (Тургенев А. 1911с: 123–124).

²⁷ Имеется в виду труд А. Л. Шлёцера „Allgemeine nordische Geschichte“ (1771), содержащий среди прочего сравнительный анализ северных языков.

²⁸ Имеется в виду труд А. Л. Шлёцера „Oskold und Dir, eine russische Geschichte“ (1773).

²⁹ Имеется в виду труд А. Л. Шлёцера „Kritische Sammlungen zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen“ (1795).

о коренных законах русского государства»³⁰ и другие сочинения должны быть знакомы всем, занимающимся нашею историею. Но последний труд его увенчал все его ученые подвиги. «Нестор»³¹ будет вечным памятником Шлецеру. В книге сей не знаешь, глубокому ли проницанию или богатству знаний более удивляться должно. Смело можно назвать его неисчерпаемым хранилищем учености. Будущий русский историк с благодарностию должен произносить имя Шлецера; и он, конечно, покажет русским, чем мы ему обязаны.

<1811>

БИБЛИОГРАФИЯ

- Жуковский В. А. 2019. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. Т. 15: Письма 1795–1817-х годов. М.: Издательский Дом ЯСК.
- Истрин В. М. 1910. Русские студенты в Геттингене в 1802–1804 гг.: (По материалам архива братьев Тургеневых). – Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 28. № 7. С. 80–144, 2-я паг.
- Истрин В. М. 1911. Примечания. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) / С введением и примечаниями В. М. Истрина. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 453–498, 2-я паг.
- Кайсаров А. С. 1915. Заметки и письма. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 4: Путешествие А. С. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году / Под ред. В. М. Истрина. Пг.: Типография Императорской Академии Наук. С. 67–100.
- Карамзин Н. М. 1899. Письма к А. И. Тургеневу. (1806–1826). – Русская старина. № 1. С. 211–238.
- Лотман Ю. М. 1958. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus] (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 63).

³⁰ Имеется в виду труд А. Л. Шлёцера „Historische Untersuchung über Russlands Reichsgrundgesetze“ (1777).

³¹ Имеется в виду издание летописного текста – „Nestor. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache“ (1802–1809), – переведенного на немецкий язык А. Л. Шлёцером, с его развернутыми пояснениями.

- Рейтблат А. И. 2014. Некролог как биографический жанр. – Рейтблат А. И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение. С. 195–202.
- Тургенев А. И. 1911а. Геттингенский дневник. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) / С введением и примечаниями В. М. Истрина. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 175–260, 2-я паг.
- Тургенев А. И. 1911б. Письма к Николаю Ивановичу Тургеневу в Геттинген. 1808–1810. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) / С введением и примечаниями В. М. Истрина. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 357–440, 2-я паг.
- Тургенев А. И. 1911с. Письма к родителям. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) / С введением и примечаниями В. М. Истрина. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 1–174, 2-я паг.
- Тургенев Н. И. 1911. Письма к брату А. И. Тургеневу и к матери Е. С. Тургеневой. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 1: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 года. (I том) / Под редакцией и с примечаниями Е. И. Тарасова. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 309–407.
- Kunik, E. E. 1848. Einleitung. – Krug, J. Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. Bd. 1. St. Petersburg: Eggers und Comp. S. I–CCLVI.
- Peters, M. 2005. Altes Reich und Europa: der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig (v.) Schlözer (1735–1809). Münster: Lit Verlag Münster.
- Schlözer, A. L. 1809. Nestor. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache: verglichen, von Schreib-Felern und Interpolationen möglichst gereinigt, erklärt, und übersetzt, von August Ludwig von Schlözer. Th. 5. Göttingen: Bei Heinrich Dieterich.
- Siegel, H. 2001. Aleksandr Ivanovič Turgenev (1784–1845): Ein russischer Aufklärer. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.

REFERENCES

- Istrin, V. M. "Russkie studenty v Gettingene v 1802–1804 gg.: (Po materialam arkhiva brat'ev Turgenevykh)." *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* 28, no. 7 (1910): 80–144, 2nd pag.
- . "Primechaniia." In *Arkhiv brat'ev Turgenevykh*. Vol. 2, *Pis'ma i dnevniki Aleksandra Ivanovicha Turgeneva gettingenskogo perioda (1802–1804)*. Edited and annotated by V. M. Istrin, 453–98, 2nd pag. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1911.
- Kaisarov, A. S. "Zametki i pis'ma." In *Arkhiv brat'ev Turgenevykh*. Vol. 4, *Puteshestvie A. S. Turgeneva i A. S. Kaisarova po slavianskim zemliam v 1804 godu*. Edited by V. M. Istrin, 67–100. Petrograd: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1915.
- Karamzin, N. M. "Pis'ma k A. I. Turgenevu. (1806–1826)." *Russkaia starina* 1 (1899): 211–38.
- Kunik, E. E. "Einleitung." In *Forschungen in der älteren Geschichte Russlands von Philipp Krug*. Bd. 1, I–CCLVI. Saint-Petersburg: Eggers und Comp., 1848.
- Lotman, Iu. M. *Andrei Sergeevich Kaisarov i literaturno-obshchestvennaia bor'ba ego vremeni*. Tartu: [Tartu Riiklik Ülikool], 1958.
- Peters, M. *Altes Reich und Europa: der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig (v.) Schlözer (1735–1809)*. Münster: Lit Verlag Münster, 2005.
- Reitblatt, A. I. *Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Schlözer, A. L. *Nestor. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache: verglichen, von Schreib-Felern und Interpolationen möglichst gereinigt, erklärt, und übersetzt, von August Ludwig von Schlözer*. Vol. 5. Göttingen: Bei Heinrich Dieterich, 1809.
- Siegel, H. *Aleksandr Ivanovič Turgenev (1784–1845): Ein russischer Aufklärer*. Cologne, Weimar and Vienna: Böhlau, 2001.
- Turgenev, A. I. "Gettingenskii dnevnik." In *Arkhiv brat'ev Turgenevykh*. Vol. 2, *Pis'ma i dnevniki Aleksandra Ivanovicha Turgeneva gettingenskogo perioda (1802–1804)*. Edited and annotated by V. M. Istrin, 175–260, 2nd pag. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1911.
- . "Pis'ma k Nikolaiu Ivanovichu Turgenevu v Gettingen (1808–1810)." In *Arkhiv brat'ev Turgenevykh*. Vol. 2, *Pis'ma i dnevniki Aleksandra Ivanovicha Turgeneva gettingenskogo perioda (1802–1804)*. Edited and annotated by

- V. M. Istrin, 357–440, 2nd pag. Saint-Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1911.
- . “Pis'ma k roditel'am.” In *Arkhiv brat'ev Turgenevykh*. Vol. 2, *Pis'ma i dnevnik Aleksandra Ivanovicha Turgeneva gettingenskogo perioda (1802–1804)*. Edited and annotated by V. M. Istrin, 1–174, 2nd pag. Saint-Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1911.
- Turgenev, N. I. “Pis'ma k bratu A. I. Turgenevu i k materi E. S. Turgenevoi.” In *Arkhiv brat'ev Turgenevykh*. Vol. 1, *Dnevniki i pis'ma Nikolaia Ivanovicha Turgeneva za 1806–1811 goda. (I tom)*. Edited and annotated by E. I. Tarasova, 309–407. Saint-Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1911.
- Zhukovskii, V. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Vol. 15, *Pis'ma (1795–1817)*. Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK, 2019.